

Огарева-Тучкова, Наталья Алексеевна. Воспоминания : 1848-1870. — М. : Захаров, 2016. — 282 с., [6] л. ил.; 21 см

Мемуары Н. А. Тучковой-Огарёвой издавались не раз и хорошо известны многим, кто любит русский XIX век. Читала их и я, но, увидев новое издание, сразу захотела перечитать. Книга талантливо написана, посвящена людям, о которых не хочется забывать. Да и личность самой мемуаристки, вдовы Н. П. Огарева и А. И. Герцена, до сих пор притягивает внимание, вызывает разные отклики; во мне, прежде всего, — интерес и сочувствие.

Н. А. Тучкова-Огарева (1829-1913) появилась на свет в замечательной семье, и её рассказ о родных полон теплоты и гордости. Фамилия Тучковых прославилась во времена Отечественной войны благодаря деду Натальи Алексеевны и его братьям: все были героями. В следующем поколении выдвинулся П. А. Тучков – родной дядя мемуаристки: он много лет занимал высокий пост генерал-губернатора Москвы. Отец Натальи Алексеевны, благородный и просвещённый человек, не сделал большой карьеры. Он был причастен к делу декабристов, привлекался к следствию, но, к счастью, получил оправдание. Жизнь юной Натальи Тучковой могла бы сложиться удачно, однако в будущем ей предстояло дважды - для XIX века это невероятно! - вступить в гражданский брак. Наталья Алексеевна начала свою семейную жизнь с Н. П. Огарёвым до его официального развода с первой женой, в 1849 году, и только в 1853-м они смогли наконец обвенчаться. А

через четыре года, в 1857-м, она оставила мужа ради уже овдовевшего Герцена.

Хочется обратить внимание на хронологический подзаголовок мемуаров Натальи Алексеевны: 1848-1870. Это годы её знакомства, а потом и совместной жизни с Герценом. Он – главный герой её воспоминаний: повествование заканчивается на его последних днях. Мемуары написаны не в старости, как это часто бывает с мемуаристами, а в 1876-м, почти по свежей памяти. О себе Наталья Алексеевна рассказала мало, даже слишком мало. Видимо, это было вызвано не только скромностью, но и исключительным драматизмом, запутанностью её судьбы. Так или иначе, но в воспоминаниях Тучковой-Огаревой нет ничего о том, как зарождалась её новая любовь, как пережил эти перемены Огарев, как удалось всем участникам драмы сохранить дружеские отношения... Об Огареве нет ни одного худого слова, он до конца остается героем мемуаров – но подробностей о нём мало. Не пишет Наталья Алексеевна и о величайшей травме её совместной жизни с Герценом - внезапной смерти их маленьких сына и дочери. В её мемуарах много психологически понятных «пропусков». Читателю, однако, из-за этих «лакун» иногда бывает трудно выстроить цепь событий; хорошо, что в конце книги помещена статья о Наталье Алексеевне замечательного историка литературы М. О Гершензона.

Он написал о Тучковой-Огаревой как о хорошей знакомой. Они познакомились в 1900 году; в ответ на его вопросы она откровенно и даже охотно говорила о прошлом. Её жизнь складывалась просто невероятно! Уже после смерти Герцена Наталья Алексеевна трагически потеряла их первую общую дочь; из трёх её детей никого не осталось. Были и другие потери. Гершензон написал об этих испытаниях с большим сочувствием, как о великой загадке жизни. Он чувствовал в Наталье Алексеевне «дар безмерно преданной любви», но никто рядом с ней так и не стал счастливым. Сама она думала о своём прошлом постоянно: «природа наделила её огромной способностью к преданности, самозабвению и раскаянию»...

Чем же особенно ценны для нас её воспоминания? Конечно, портретом Герцена. Наталье Алексеевне удалось передать и невероятный масштаб его личности, и его «обычность»: тягу к семейному дому и к дружбе, привычку к бытовым заботам, вечную готовность помогать. В эмигрантской среде Лондона и других европейских городов, где проходила жизнь, Герцен «в своём кругу стал тем, чем солнце бывает относительно природы», - рассказывает Наталья Алексеевна. В её книге великое множество людских портретов: мемуаристка очертила чуть ли не всех, с кем Герцена сводила жизнь. Каждый читатель сможет найти там наблюдения, особенно интересные для него. Я же хочу отметить одну деталь из рассказа о выдающемся итальянском революционере Мадзини. И Герцен, и сама Наталья Алексеевна были к нему привязаны, но обоим показалась странной одна его черта: Мадзини не терпел спора, возражений - в собеседниках ему нужен был пиетет. Наталья Алексеевна пишет по этому поводу: «Герцен не понимал этого генеральства, важности, напускаемой на себя революционерами; в эпоху самой силы и славы «Колокола» он оставался всё тем же непринужденным, гостеприимным, простым, добродушным человеком. ...он знал себе цену, но находил ... аффектацию, позу недостойными сильного ума». Сама Наталья Алексеевна, судя по её творческой манере, тоже была человеком живой искренности, «без котурнов»: видимо, эта черта была у них с Герценом общей.

О его смерти она написала с подлинным горем – и с пониманием, что это горе не только для неё. Герцен, «забывая себя, думал и жил для родины, для человечества, для семьи», - такие слова она нашла для прощания... Помоему, она написала очень хорошо.

Т. П. Волохонская